

ЗИНАИДА ГИППИУС

ГОЛУБОЕ
НЕБО

Зинаида Николаевна Гиппиус

Голубое небо

Аннотация

«За парком дорога разделяется: одна идет правее и кончается мостом через Куру, а другая, левая, поднимается в гору. Подъем совсем не крутой. Шагах в пятидесяти от парка, по этой верхней дороге, стоит небольшой одноэтажный дом. Он почти скрыт садом впереди...»

Содержание

I	4
II	8
III	10
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зинаида Гиппиус

Голубое небо

Василию Александровичу Степанову

I

За парком дорога разделяется: одна идет правее и кончается мостом через Куру, а другая, левая, поднимается в гору. Подъем совсем не крутой. Шагах в пятидесяти от парка, по этой верхней дороге, стоит небольшой одноэтажный дом. Он почти скрыт садом впереди.

Широкий балкон обвит диким виноградом. Виноград разросся так густо, что на балконе всегда темно. Впрочем, там никто и не сидит никогда, через балкон только ходят.

С другой стороны домика – длинная галерея и двор, где в одном углу лежат в куче белые фарфоровые чашечки с телеграфных столбов. Эти чашечки вначале кажутся слишком большими, и только, когда глаз привыкнет к ним, – видишь, что и на столбах они не меньше. По двору часто пробегают озабоченные чиновники в мундирах с желтым кантом.

Здесь – главное почтово-телеграфное отделение и квартира начальника.

Все служащие были довольны своим начальником. Тре-

бователен, но справедлив, строг, но добр. Молодой человек, всего двадцати восьми лет, а порядок завел на диво. Подчиненный должен быть аккуратен – начальник сам пример показывает – в приемной чистота, а над небольшим окошком, где принимаются телеграммы и заказные письма, красиво сплетены из сухих трав и листьев цифры, означающие время приема корреспонденции.

Квартира начальника состоит из трех комнат.

Одна из них, зала, узкая и длинная, оклеена белыми обоями. Это – парадная комната; в ней стоит диван, стол, несколько кресел, окна большие и выходят в сад. Две другие комнаты гораздо меньше. Спальня устроена на восточный манер, по стенам висят ковры, халаты и оружие, а на потолке почему-то голубой фонарь. В маленькой столовой за столом господин начальник обыкновенно занимается.

Хотя он на Кавказе недавно, всего лет пять, однако знает несколько слов по-грузински, приобрел черкеску и кинжал и отважно ездит верхом.

Впрочем, многие находят, что он гораздо интереснее в своем длинном форменном сюртуке с желтыми кантиками, чем в черкеске. Уж слишком северное у него лицо. Его зовут Антон Антонович Зайцев, и по фамилии он русский, хотя в произношении у него слышится изрядный немецкий акцент.

В июне кончились экзамены в городе, и дачное местечко, где жил Антон Антонович, начало оживать. Горный воздух был еще прохладен; курс питья вод пока не начинался,

но каждый день Антон Антонович получал по несколько телеграмм. Его просили высылать почтовых лошадей на станцию. И каждый день, около трех часов, слышался звон колокольчиков и проезжали тяжелые коляски, запряженные четверней. На балконах появилась парусина. В главном парке источник, как всегда, убрали цветами. Отворили библиотеку и ротонду, появилась музыка.

Ожил и Антон Антонович. Он ждал к себе гостей – гимназистов старшего класса, а может быть, и двух студентов. Студенты, тоже прежние гимназисты, первый год провели в одесском университете и с радостью думали о лете на родине.

Антон Антонович любил «молодежь». В нем, как он говорил сам, много было «русской удали» и «юношеского жара».

– Прокутить ночь с товарищами или мчаться по крутизне на бешеном коне – если это, конечно, не вредит исполнению долга – вот жизнь!

Были, впрочем, и другие слабости у Антона Антоновича, но о них после.

– Уши да губы – вся моя красота, – сказал он раз о себе, – и точно, уши и губы у него были очень красивы, только об этом следовало знать заранее, чтобы заметить красоту.

Антон Антонович был среднего роста, худощавый, и лет ему можно бы дать от двадцати до сорока. Весь он был розовый, только усы, бородка и короткие волосы росли у него совершенно белые, да и то при закате солнца часто прини-

мали красноватый оттенок.

На тоненьком носу у него всегда было дымчатое ринспез, которое сильно сжимало переносье. Антон Антонович любил толстые сучковатые палки, ходил быстро, никогда не унывал, но с подчиненными был важен и не забывал ни на минуту, что он – господин начальник почты и телеграфа.

II

Все, и чиновники в конторе, и соседи, и даже приехавшие наконец студенты и гимназисты, знали, что это лето – очень важное лето для Антона Антоновича.

То есть они не то, что знали, а догадывались, потому что о своих делах, и вообще о себе, Антон Антонович сообщал редко и неохотно. Другое дело – намеки. Намекать, говорить загадками очень любил Антон Антонович.

И он несколько раз повторил, что если он на что-нибудь решится, то уже не перерешит, что поступает всегда глубоко обдуманно, что время для него не помеха, ибо он терпелив, настойчив и постоянен. Кроме того, он на собственные средства решил пристроить к своей квартире, со стороны залы, еще одну комнату и даже с балконом. Работы были начаты раннею весною и теперь уже близились к концу.

Намеки, таинственно-радостный вид Антона Антоновича, а главное пристройка комнаты навели молодых друзей его на очень простую мысль: Антон Антонович хочет жениться!

Начались догадки – на ком.

– Знаете, господа? – сказал жирный гимназист Томидзе двум своим сожителям – одесскому студенту Марканову и другому гимназисту Вересову, когда они вечером укладывались на сене в зале господина начальника. – Знаете? По-моему, он уже женат и только скрывает.

– Не ври глупостей, – сказал Вересов. – Он еще и предложения не делал. А только сделает – и все будет, как он хочет, и возьмет самую хорошенькую барышню – вот увидите. Такой уж человек.

И Вересов вздохнул с тайной завистью.

– Воображаю, что вы называете хорошенькой барышней! – немного презрительно возразил студент, закутываясь в одеяло. – Я уж здешних и позабыл совсем. А у нас в Одессе, знаете... вот это, можно сказать, барышни...

– Ну? – проговорили оба гимназиста и повернулись к Марканову.

Разговор перешел на интимную почву.

В дальнем углу залы, у стола, чуть освещаемый огарком, сидел четвертый представитель «молодежи», гимназист Ламме.

Ламме целые ночи просиживал и все сочинял стихи. Ни для кого не было тайной, что он влюблен, много лет в одну, и ей одной посвящает свои стихи. Наговорившись об одесских барышнях, гимназисты заснули, а Ламме долго еще сидел, худой и костлявый, в одном нижнем белье, и огарок освещал его унылое лицо и длинный, точно повисший, нос.

III

Было одиннадцать часов утра.

Музыка в главном парке только что кончилась. Аллеи пустели. Становилось жарко.

На скамейке около веранды сидела девушка лет двадцати двух, в круглой соломенной шляпе с белой вуалью и коричневом платье. Рядом с нею сидел молодой человек довольно обыкновенной наружности, с немного впалыми щеками, хорошо одетый.

На самом краю скамейки ютился Ламме, ничего не говорил и пристально смотрел на свои собственные ноги.

Девушка тоже сидела с опущенными глазами. У нее было розовое круглое личико с небольшими веснушками на щеках; неправильный рот не портил ее, а короткий, вздернутый нос придавал ей такое беззаботное выражение, что невозможно было себе представить печальным это лицо.

Она казалась совершенной брюнеткой, только глаза были не черные, а такие, что всякий, видевший девушку в первый раз, находил их некрасивыми и неприятными. При черных бровях и ресницах глаза были неожиданно светлые, без всякого цвета, странно-прозрачные. Такая бывает вода в очень глубоких чистых прудах в тихую погоду.

Девушку звали Людмилой.

– Знаете, я бы искренно боялся сделаться вашим супру-

гом, – сказал как-то Людмиле один очень любезный старичок. – С вашими глазами лгать легко. Я не умел бы узнать по ним – обманываете вы меня или нет.

К веранде приближался Антон Антонович.

Увидев его, Людмила обрадовалась и вскочила, чтобы идти навстречу. Они поздоровались как хорошие друзья после долгой разлуки.

– Я вас сейчас же узнала, – весело говорила Людмила. – Вы все такой же, за эти четыре года ни капельки не изменились. Как я рада... Отчего вы не пришли к нам вчера вечером?... Мы приехали в четыре часа... Боялись потревожить с дороги? Какой вздор! Тетя спрашивала о вас. Ну что, я переменилась? Очень?

Она болтала, не давая никому вставить слова. Потом вдруг заметила молодого человека, который стоял в стороне и ждал, когда она кончит.

– Простите, совсем забыла... Антон Антонович, вы незнакомы... Иван Сергеевич Елецкий, магистр, только что приехал и уж собирается снова в Петербург... И что там делать летом?

– Очень приятно, – сказал Антон Антонович, крепко сжимая руку Елецкому. – Из Петербурга? Как здешний житель приветствую вас; добро пожаловать! Зачем так скоро уезжаете?

– Надо мне, – сказал Елецкий неохотно. – Может быть, впрочем, я и останусь, – прибавил он.

– Конечно, останьтесь! – с жаром подхватил Антон Антонович. – Ну, что там? Изучите здешнее общество... Много интересного...

– Да, да... Так вы не идете, Людмила Сергеевна? – Она хотела что-то сказать, но Антон Антонович перебил, снова обратившись к Елецкому.

– Скажите, ну а что в Петербурге? О чем говорят? Как журналы? Здесь не все получают. И приходилось вам бывать в литературных кружках?

– Как же, приходилось... Я интересуюсь литературой... Только теперь, к сожалению...

– Послушайте, заходите ко мне, а? Потолкуем, вы мне расскажете... Ну, зайдете ведь? Пожалуйста...

– С удовольствием, очень вам благодарен... А теперь, извините, я тороплюсь. До свидания, Людмила Сергеевна.

– Уходите? Ну, прощайте, – сказала она, подавая руку. – В семь часов в маленьком парке, после музыки, да? Смотрите, я вас буду ждать.

Елецкий ушел, а Людмила взяла под руку Антона Антоновича, и они отправились в глубь парка. Лампе, ни слова не говоря, пошел за ними. Он следовал шагах в десяти, уныло опустив голову.

Антон Антонович познакомился с Людмилой четыре года тому назад, когда она только что приехала на Кавказ. Три следующих лета Людмила провела в Крыму и с Антоном Антоновичем ни разу не видалась, хотя зимой жила близко, все-

го в шести часах езды. Но Антон Антонович в большом городе никогда зимой не бывал. Зато он вел аккуратную переписку с Людмилой; она ему отвечала, потому что любила писать письма. Наконец, обстоятельства сложились благоприятнее. Людмила была круглая сирота и жила у тетки, доброй и полной дамы, которая в племяннице души не чаяла. Тетка поправилась, в Крым ехать было больше не нужно, и потому она с радостью исполнила желание Людмилы – наняла ту самую дачу, где они жили четыре года назад.

– Я не верю, что это все прежнее, – говорила Людмила. – Мне кажется, что я видела не это, а другое, похожее... Все так же, все то же, только мелочи не те: вон новая эстрада, два дерева срублены, и мелочи так изменяют, что нельзя вспомнить то время... Неужели и я изменилась?

– Вы мало изменились, – сказал Антон Антонович. – Ну, наконец-то вы здесь. Я рад. О многом нужно поговорить. Но скажите сначала – кто этот симпатичный молодой человек из Петербурга?

– Ах, это так себе. Ничего, довольно мил. Мы познакомились дорогой. Он знает тетиных родных. Занимательный.

– И что же он? Интересуется?

– Чем? – улыбаясь спросила Людмила. – Наукой – весьма, литературой – посредственно, музыкой совсем не интересуется, а мной – не знаю.

– Следовательно, не знаток поэзии, например, не любит новейших писателей?

– Да вы сами лучше спросите его, – прервала Людмила. – Бог с ним пока. Поговорим лучше о вас. Работаете? Счастливы работой?

– О, да. Я счастлив. Я знаю, что я должен делать. И делаю то, что должен.

Между ними завязался странный, легкий, полуоткровенный, полушутливый разговор. Антон Антонович сыпал намеками, но выговаривал слова твердо и ясно. Людмила смотрела на него своими прозрачными глазами и улыбалась. Антону Антоновичу становилось еще веселее.

У Людмилы был голос незвучный и неполный, и слова она выговаривала, точно скользя мимо, небрежно и мягко.

Ламме нарвал каких-то длинных лиловых и желтых цветов и молча, с прежним убитым видом, поднес их Людмиле. Людмила взяла и опять так ласково улыбнулась, что Ламме просиял и кинулся собирать новые цветы.

IV

– Непонятно, что в ней находят, – говорили барышни, когда на балу или в парке мимо проходила Людмила в сопровождении Антона Антоновича, Ламме и студентов. – Она держать себя не умеет. И лицо самое вульгарное, глаза дикие... Неизящная кокетка...

В кружок Людмилы скоро поступила вся «молодежь» Антона Антоновича, и даже студент позабыл своих одесских барышень. Приехал солидный дипломат, полный собственного достоинства, как говорили иные – жених Людмилы. И он стал гулять по утрам в парке, в обществе студентов и гимназистов, и так же самодовольно улыбался, как они.

Только петербургский гость, Елецкий, совершенно отдалился от компании. Случилось это по желанию самой Людмилы. В одно утро она посмотрела на него своим безразличным взглядом и вдруг сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.